

УДК: 9(45747) : 614.46

**СОЗДАНИЕ КВАРАНТИННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В БЕССАРАБИИ В КОНЦЕ XVIII-XIX ВВ.
CREATION OF QUARANTINE ESTABLISHMENTS IN BESSARABIA
AT THE END OF XVIII-XIX**

Воронина Е.О.,

*соискатель кафедры истории и теории государства и права
Таврического национального университета имени В.И. Вернадского*

Статья посвящена изучению процесса возникновения и развития системы карантинных учреждений в Бессарабии в исследуемый период. В работе раскрываются основные законодательные акты, на основе которых создавались данные учреждения, а также системы управления и устройства данных учреждений. Приведен многочисленный штатный состав их персонала, раскрыты процессы реорганизации, происходившие в XIX в.

Ключевые слова: карантинные учреждения, Бессарабия, Российская империя.

Стаття присвячена вивченню процесу виникнення і розвитку системи карантинних установ в Бессарабії в досліджуваній період. У роботі розкриваються основні законодавчі акти, на основі яких створювалися дані установи, а також системи управління і пристрою даних установ. Наведено чисельний штатний склад їх персоналу, розкриті процеси реорганізації, які відбувалися у XIX столітті.

Ключові слова: карантинні установи, Бессарабія, Російська імперія.

The article is devoted the study of process of origin and development of the system of quarantine establishments in Bessarabia in a probed period. In-process to open up basic legislative acts, which these establishments, and also control the system and device of these establishments, were created on the basis of. Numerical regular strength of their personnel is resulted, the processes of reorganization are exposed taking a place in XIX in.

Key words: quarantine establishments, Bessarabia, Russian empire.

Актуальность избранной проблемы исследования обуславливается: 1) необходимостью совершенствования действующего в Украине всего комплекса антиэпидемиологических нормативно-правовых актов; 2) совершенствованием проблемы взаимодействия различных государственных служб, в обязанности которых входит обеспечение безопасности населения; 3) необходимостью анализа и использования имеющегося отечественного и зарубежного опыта деятельности в этой сфере, анализа применяемых ранее мер и оценка их эффективности, в частности на примере создания специальной карантинной службы в Российской империи и соответствующего отраслевого законодательства.

Историография проблемы весьма немногочисленна. В основном в выявленных нами работах рассматриваются или затрагиваются отдельные аспекты создания и деятельности карантинных служб и соответствующего отраслевого законодательства. При этом необходимо указать, что историография проблемы представлена работами ученых с имперского и до современного периодов. Среди них, очевидно, следует отметить труды таких исследователей, как Б. В. Змерзлый, Эрисман, М. И. Галанин, Б. Л. Черкасский, В. П. Сергиев, И. Д. Ладный, О. П. Щепин, В.

В. Ермаков, Н. И. Пристанкова [1-8]. В большинстве случаев данные ученые рассматривают медицинские аспекты профилактики и предупреждения распространения эпидемиологических заболеваний, отдельные карантинные мероприятия. И лишь в трудах Б. В. Змерзлого и Н. И. Пристанковой мы находим попытку систематизации российского законодательства изучаемого периода в области управления медициной и, некоторые особенности регулирования карантинной службы, создания сети карантинных учреждений на Юге Украины. В связи с чем можно отметить, что комплексных научных исследований по данной проблематике не проводилось.

Особенностью создания и деятельности карантинных учреждений в Бессарабии было то, что, во-первых, в конце XVIII и практически на всем протяжении XIX в., особенно в первой его половине, границы Российской империи в данном регионе часто смещались, что приводило к переносу карантинных учреждений; во-вторых, их организация была тесно привязана к водным коммуникациям в регионе, в связи с наличием в нем таких значительных водных артерий как Дунай, Прут, Днестр. Первые упоминания о создании карантинных здесь относятся к 1793 г., когда, согласно указу от 7 июня (№17131), был создан

сухопутный карантин в Дубоссарах [9, с. 436-437]. В дальнейшем продолжилось стремительное развитие карантинной цепи. Так, в июле 1794 г. был принят штат Гаджибейскому портовому карантину [9, с. 539], а 1 мая 1795 г., после очередного раздела Польши, было решено учредить карантин на Днестре на границе с Молдавией, (№17233) [9, с. 692]. В развитие данного положения 8 августа 1795 г., на границе с Турцией, при создаваемых Ямпольской и Жванецкой таможнях также решено открыть два карантина (№17373) [9, с. 758]. Предполагалось, что переводчик при этих карантинных пунктах должен был знать русский, греческий, армянский, молдавский и польский языки. Штат этим карантинным пунктам устанавливался как и Дубоссарскому карантину. Кроме того, при каждом карантине состояли: пакгаузный досмотрщик при очистительном пакгаузе; при пакгаузе 1-го квартала также пакгаузный досмотрщик от таможни. В карантинную военную команду входили: подпоручик, сержант, 2 капрала, 20 рядовых, 6 рабочих из престоупников для чумного карантина [10, с. 243].

Очередное обострение взаимоотношений России и Турции привело к увеличению потоков населения, переселяющегося на Российскую территорию. Для разрешения ситуации 18 мая 1802 г. было принято решение о создании «между Дубоссар и Овидиополя, карантинной заставы» специально для переселенцев (№20268) [11, с. 143]. Далее деятельность и развертывание карантинной сети приостановилась русско-турецкой войной, продолжавшейся с 1806 г. по 1812 г. и закончившейся подписанием Бухарестского мирного договора. К России перешла часть Молдавского княжества – территория Пруто-Днестровского междуречья, получившая затем статус Бессарабской области. Граница в Европе переносилась с реки Днестр на Прут до его соединения с Дунаем, обеспечивалась свобода русского торгового судоходства по этой реке. С изменением границ пришлось реорганизовывать и сеть карантинных учреждений.

Так, указом от 29 марта 1815 г. «Об учреждении карантинных предосторожностей в Бессарабии и о взвешивании и вымеривании товаров в карантинных пунктах» (№25808) было решено усилить новую границу с Турцией, особенно карантинные меры на ней и пограничную стражу. В связи с этим дальнейший провоз товаров разрешался только через карантин [12, с. 48]. В случае возникновения эпидемиологической опасности предписывалось «...открывать немедленно временную Карантинную линию на Днестре, на каковой конец из ныне существующих Карантинных и Таможенных строений оставя такие, которые могут быть для сего нужны, привесть оные в надлежащую исправность». Для ее работы не разрешалось назначать специальных чиновников, «но наряжать на оную в случае надобности из Подольской губернии благонадежных людей...». Разрабатывался вопрос о создании новой карантинно-таможенной линии, составлялись ее планы и сметы. При этом было решено до окончания строительства новых карантинных пунктов Днестровскую карантинную линию не снимать [12, с. 49].

В ходе дальнейшей инкорпорации края в состав империи, 29 апреля 1818 г. был принят «Устав образования Бессарабской области» (№ 27357) [13, с. 222], что несколько изменило систему управления существовавшими там карантинными учреждениями. Во главе карантинной части в области был назначен особый окружной начальник Бессарабской карантинной линии и Кордонной пограничной стражи, а при нем секретарь. Всего в регионе в этот период действовали: карантин – Ренинский портовый и Скулянский пограничный, а при них карантинные конторы. Карантинные заставы: Леовская и Липканская. Портовые карантинные заставы: Измаильская и Аккерманская. Таким образом, всего 6 карантинных учреждений, при которых находилось на службе 234 различных служащих [10, с. 192].

2 сентября 1829 г., по результатам очередной войны, был опубликован Трактат, «заключенный в Андрианополе между Российской империей и Оттоманской Портой» (№3128). Кроме прочего, данный документ затронул вопросы формирования карантинной линии в Бессарабии [14, с. 622]. Договор предусматривал, что границей между обоими государствами, по-прежнему, будет река Прут, от ее «впадения в Молдавию до соединения с Дунаем». Оттуда граница следовала по течению Дуная до впадения Георгиевского гирла в море, так, что все острова, между различными рукавами реки принадлежали России, а правый ее берег, по-прежнему, оставался во владении Турции. Турецкий берег, начиная с точки, где гирло Георгиевское отделяется от Сулинского, предписывалось содержать незаселенным на расстоянии двух часов пути от реки, и что на нем не будет никаких заведений. Со своей стороны на островах, переходящих во владение [14, с. 624] России, не разрешалось создавать никаких заведений или укреплений, кроме карантинных. Купеческим судам обеих держав предоставлялось свободное плавание по всему течению Дуная, подразумевая, что суда под турецким флагом имели право свободно входить в гирло Георгиевское как общее для военного и купеческого флотов обеих империй. При этом российским военным кораблям запрещалось ходить вверх по Дунаю далее места его соединения с Прутом [14, с. 625]. Дополнительно 2 сентября этого же года в Андрианополе был заключен отдельный акт трактата между Россией и Турцией «об утверждении преимуществ для Княжеств Молдавии и Валахии». Согласно ему, правительствам обеих княжеств, разрешалось для проведения антиэпидемиологических мероприятий «проводить цепи и учреждать карантинные пункты вдоль по Дунаю и в других внутри земли местах, где потребует того надобность, так, что иностранцы, как мусульмане, так и христиане, при въезде в пределы княжеств, не должны уклоняться от строгого соблюдения карантинных правил». Для карантинной службы, охране границ, соблюдения порядка в городах и селениях и исполнения законов и уставов, правительству каждого княжества предоставлялось право иметь вооруженную стражу, «в таком числе, какое необходимо будет для всех описанных предметов» [14, с. 631].

В конце 1828 г. чума появилась в турецких провинциях, а затем и в Молдавии и Валахии. Для борьбы с ней, в декабре, главнокомандующему 2-й армией и Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору было поручено принять совместные действия по карантинной предосторожности со стороны Бессарабии по Дунаю и Пруту. В связи с появлением уже непосредственно в регионе чумы в мае 1829 г., главнокомандующий убедил восстановить Днестровскую карантинную линию в Херсонской и Подольской губерниях и передал генерал-губернатору командование над ней, так как сам находился весьма далеко от места событий. В августе 1829 г., царь поручил Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору управление карантинными заставами по Днестру, Пруту и Дунаю. Ему разрешалось принимать любые, даже суровые меры вплоть до смертной казни через военные суды. При осложнении ситуации, Воронцову предлагалось выехать из Одессы и руководить карантинными пунктами лично (№ 3058) [14, с. 569-570].

Сложившаяся ситуация показала слабость карантинного обеспечения в данном регионе и необходимость принятия дополнительных мер усиления карантинной службы, особенно на новых границах. Было принято решение об открытии новых карантинных учреждений в важнейших для региона местах. Так, 4 января 1830 г., в связи с созданием в Измаиле главной складочной таможни, было решено создать там Портовую карантинную контору. Создавать ее заново не стали, а решили находящуюся в Рении карантинную контору перевести в Измаил, а в Рении карантинную заставу в Измаила. Чиновников переводили вместе с учреждениями (№ 3403) [15, с. 9].

С ростом значения Измаила, в сентябре 1830 г. было принято решение о создании Измаильского Градоначальства. В его состав города – Рени и Килия, селения Кугурлуй, Софианы, Броску, Муравлевку, Хаджи-Курды, Гассан-Снаг, Кислицу, Чимамир и Вилков. Градоначальнику подчинили комендантов крепостей Измаила и Килии, дунайскую флотилию и кордонную карантинную стражу. По карантинной части градоначальник подчинялся генерал-губернатору. Измаильский уезд переименовали в Леовский с отделением ему местечка Леова и части земли (№ 3953) [15, с. 73-74].

С улучшением эпидемиологической ситуации 26 сентября 1833 г. было принято решение «Облегчение карантинных мер на Пруте» (№ 6449). Им значительно уменьшили сроки обсервации для приезжающих из княжеств и даже из Константинополя (до 4-х дней) с проветриванием товаров и вещей [70, с. 533-534]. Это, правда, не отменило усиления карантинных учреждений в регионе. Так, уже 27 декабря 1835 г. за № 8717 был утвержден штат частному Сулинскому карантину, состоявшему из двух отделений [16, с. 1259]. Отделение первое – практическое, должно было располагаться в оконечности острова Лети. Ему предусматривался штат из 4 человек: управляющий, лекарь, канцелярский служитель высшего разряда и канцелярский среднего разряда. Отделение второе – сомнительное, находилось на оконечности о. Георгиевский, со штатом в два человека: комиссар, он же переводчик и канцелярский высшего разряда. Всего, как видим, в обоих отделениях 6 человек штата [16, с. 386].

Определение штата карантину еще не означало его немедленного действия, к которому, к тому же он мог приступить не ранее открытия навигации. Кроме того, нужно было осуществить еще множество подготовительных, в том числе нормативно-правовых действий. В связи с этим 19 февраля 1836 г., по рапорту МВД, был издан указ «Об учреждении на Сулинском гирле реки Дуная карантина и об упразднении Базарчукской карантинной заставы» (№ 8891). Он, в частности, предусматривал строительство на Сулинском гирле реки Дуная карантина в двух отделениях: практическом, на оконечности острова Лети, и сомнительном, на Георгиевском острове. Данные карантинные отделения не имели права очистки судов и товаров, а должны были отправлять их в Одесский или в Измаильский карантин. Их обязанностью было служить пристанищами для судов, вынужденных из-за встречного ветра или сильного течения Дуная оставаться на гирле, а также [17, с. 145] для пожелавших там возобновить продовольственные припасы и произвести ремонт. Кроме того, карантинном дозволялось принимать иногда с судов таких купцов, их приказчиков или некоторых пассажиров, которые из-за задержки в следовании водным путем против течения до Измаила, пожелали бы, для выигрыша во времени, выдержать карантин на месте, для перевода в Измаил сухим путем через остров Лети; принимать и очищать экипажи и матросов с потерпевших крушение судов по морскому побережью данных островов.

На практическое отделение возлагалась обязанность наблюдения за судами, приходящими из благополучных мест, а на отделение сомнительное за состоящими в карантинном положении судами. Оба отделения должны были следить, чтобы экипажи и товары этих судов между собой не сообщались и придерживались карантинных правил. Этот карантин, в таможенном плане, должен был действовать на для Базарчукской заставы. Саму же ее упразднили [17, с. 146].

Развитие торгового и пассажирского судоходства на Дунае в этот период происходило быстрыми темпами, и уже через несколько лет после создания Сулинского карантина он, имея штате 6 человек, уже не мог справляться с возложенными на него обязанностями. На что обратил внимание вышестоящих властей граф Воронцов. Для раз-

решения ситуации в 1840 г. был принят указ № 13385 «О распространении Сулинского частного карантина, находящегося на Георгиевском острове». Согласно ему, отделение карантина, находящееся на Георгиевском острове, было расширено. Дополнительно к прежнему штату назначены чиновник, медик и 25 казаков с офицером. Офицер же получил должность Капитана порта и начальника карантинных кордонов, наблюдающих на границе Георгиевского рукава Дуная, а медику было предписано освидетельствование «экипажей, непрерывно проходящих там судов и подачи помощи заболевшим, а последних для содержания кордонов» [18, с. 284]. Из-за необитаемости острова были назначены и порционные деньги казачьей команде, содержащей кордоны, Во время эпидемий чумы за Дунаем, порционные офицеру и казачьей команде удваивались [19, с. 76]. Так штат Сулинского карантина увеличился с 6 человек до 34. А в 1843 г., согласно указу от 7 ноября (№ 17150), по просьбе министра внутренних дел, в штат Сулинского частного карантина были введены священник и причетник [20, с. 547].

В этом же году, специальным указом (16909), по просьбе генерал-губернатора графа Воронцова, чиновникам нескольких карантинных, в том числе и Сулинского (Измаильского, Скулянского, Леовского и Липканской карантинной заставы), были назначены квартирные деньги [20, с. 370-371]. Необходимость эта была более чем обоснована, так как, во-первых, как уже указывалось, Георгиевский остров, на котором размещался карантин, до его появления был необитаем и потому, снять жилье служащие не могли. Во-вторых, учитывая, что комплексного строительства карантинных зданий, согласно карантинным уставам, так и не было произведено, то служащие вынуждены были за свой счет возводить жилые здания и постройки. В-третьих, с увеличением штатов карантина и, соответственно, числа жителей острова, к ним постепенно стали преезжать семьи, а впоследствии и поселиться на острове и прочие поселенцы [20, с. 258-259].

Бурное развитие острова Георгиевский к началу 1850 г. привело к необходимости реорганизации существующего карантинного и гражданского управления на нем. В связи с этим, 26 декабря 1851 г. было принято «Положение о управлении Сулинским портом на Дунае» (№ 25851). Согласно ему, высшим должностным лицом на острове становился капитан Сулинского порта, который «управляет оным, заведывая карантинной, полицейской и морской частями, и подчиняется Новороссийскому и Бессарабскому Генерал-губернатору». Указ определял и географические границы власти капитана порта: «Места, подлежащие управлению Капитана над портом, суть: 1) Георгиевский остров с населенными, которые находятся в разных частях его и из коих одно, лежащее на южной оконечности, именуется Сулин (где учреждено 2 Отделение Сулинского частного карантина, состоящее в сомнительном положении) и 2) весь Сулинский рукав до разделения онаго с рукавом Георгиевским». Важнейшей обязанностью капитана порта, была карантинная служба: 1) он должен был опрашивать все суда, входящих в Сулинское устье и, в случае болезни, или смерти кого-либо из судовых людей и пассажиров, или сомнения в появлении чумы, проводить освидетельствование находящихся на судах с помощью врача. В таком случае, так и во всех прочих, касающихся вопросов карантинной службы, капитан порта давал предложения комиссару сулинского сомнительного карантинного отделения, который, состоя в штате сулинского частного карантина и подчиняясь ему во всем, обязан был исполнять любое требование капитана порта по карантинной части; о чем, в то же время, доводил до сведения карантина; 2) наблюдать, чтобы зараженное судно, во время его нахождения в Сулинском устье, не имело ни с кем и ни с чем никаких сообщений и вместе с тем распоряжался о его передаче в Сулинский частный карантин; 3) контро-

ливать, чтобы выбрасываемые из воды мертвые тела, товары и вещи, были: первые, освидетельствованы и погребены по карантинным правилам, а последние, т.е. товары и вещи, если хозяева для получения их не явятся, переданы в Сулинский карантин, для очистки и дальнейшего о них распоряжения; 4) надзирать за действиями казаков, содержащих кордонную стражу на Георгиевском острове [21, с. 189]. В случае необходимости, капитан Сулинского порта мог обратиться, по карантинной части, к Измаильскому карантинному правлению [21, с. 191]. Данный документ свидетельствует не только о повышении статуса карантина, но и о быстром освоении острова, появления на нем значительного количества поселенцев, развития порта, торговли, мореплавания, прочих аспектов хозяйственной и экономической жизни. Что, кстати, доказывает и утверждение учреждения общества лоцманов при Сулинском порте от 26 декабря 1851 г. (№ 25852) [21, с. 192].

Параллельно с процессом развития одних карантинных учреждений, оказавшихся более востребованными вследствие географических и социально-экономических факторов, происходила реорганизация сети карантинных учреждений Бессарабской области. Так, 5 февраля 1846 г. было принято решение «О упразднении Днестровской карантинной линии» (№ 19693). Согласно ему данную линию, с существовавшими на ней запасными карантинами: Исаковецким, Могилевским, Дубосарским, и карантинной заставой в Парканах ликвидировали [22, с. 216], так как новая карантинная линия на Пруте уже была отстроена и давно вступила в действие, а линия на Днестре выступала лишь в качестве запасной. Однако ей еще предстояло сыграть свою роль всего через несколько лет.

Так, в 1853 г., когда началась очередная Русско-турецкая война было принято решение о создании кроме существовавшей по Пруту второй карантинной линии по Днестру. Для чего observationные карантинные были восстановлены в Исаковцах, Могилеве, Дубоссарах, Парканах и Овидиополе.

С окончанием войны генерал-адъютант граф Строгонов, считая дальнейшее существование карантинной линии по реке Днестру ненужным, в феврале 1857 г. предложил упразднить ее. Но так об устройстве карантинной на новой границе с Молдавией тогда еще не было сделано распоряжения, и после уничтожения Дунайских карантинных единственной мерой к защите государства от эпидемий, в случае их появления в Турции или Молдавии, могло служить лишь немедленное приведение в действие карантинных на Днестре, то упразднение карантинной линии по реке Днестр нашли не своевременным. После чего, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора обязали представить полный обзор карантинных учреждений, которые должны охранять империю со стороны княжеств. Вследствие чего граф Строгонов опять настаивал на отсутствии необходимости содержания двух карантинных линий, да и чумы 10 лет как нигде не было. При том, если бы и возникла необходимость в днестровской карантинной линии, всегда существовала возможность ее восстановления, как это было в 1854 г.

Как считалось местными органами власти, антиэпидемиологическая защита России со стороны Молдавии, на тот момент достаточно обеспечивалась карантинами Бессарабии. Пересмотр границы с Молдавией не изменил существовавшей карантинной системы. По сделанному предварительному распоряжению находившиеся на отошедшей к Молдавии части Бессарабии карантинные Измаильский, Ренинский, Сулинский и Леовский, по проведению демаркационной линии, были немедленно переведены на новую границу и открыли свои действия, так что исполнение установленных мер карантинной предосторожности фактически не прерывалось. До постройки постоянных зданий у самой границы, эти карантинные были размещены временно, вблизи ее, в нанятых домах местных жителей:

Измаильский в колонии Кубей, Ренинский в местечке Татар-Бунар, Сулинский в колонии Комрат и Леовский в селении Карпиненах [23, с. 78].

Благодаря этому стало возможным 28 января 1858 г. принять решение «О упразднении Днестровской карантинной линии» (№ 32722) [23, с. 77]. Согласно ему, кроме вышеперечисленных карантинных учреждений, было решено создать карантинную заставу в селении Верхней Базарьяновке. В результате, после окончательного введения сети карантинных учреждений в действие, Бессарабскую границу предполагалось разделить, как и ранее, на 2 округа. Измаильский округ, с переименованием его в Кубейский, по имени к. Кубей, где находился центральный карантин, должен был занять пространство от Бугаза на устье Днестровского лимана, до 123-го кордона на реке Прут, а Скулянский округ остальную часть 123-го кордона до Новоселицкого поста на Австрийской границе. В состав этих округов вошли: первого – Кубейский центральный, Комратский и Татарбунарский частные карантинные, Карпиненская и Аккерманская карантинные заставы; второго – Скулянский центральный карантин и Липканская карантинная застава, с переименованием ее в частный карантин.

В связи с этим, а также принимая во внимание различные затруднения сопряженные с содержанием карантинной линии по р. Днестр, тогда как в ней не было никакой надобности, Строгонов просил о разрешении: 1) эту линию немедленно упразднить; 2) отведенные для помещения карантинных здания и дома, со всеми переделками и пристройками передать по принадлежности; 3) мебель, посуду и другие вещи, купленные для карантинных продать, а вырученные деньги добавить к суммам, выделенной на устройство новой линии; 4) кордонные здания передать в ведение тех помещиков и поселян, на чьих землях они были построены. К тому же некий господин Комар, на земле которого были построены карантинные здания, изъявил желание принять их в свое ведение с обязательством содержать их в исправности и, в случае необходимости, передать опять в карантинное ведомство. Находя такое предложение Комара выгодным для казны и весьма полезным в карантинном отношении, граф Строгонов полагал передать Исаковецкие карантинные здания Комару [23, с. 79]. В результате реформы сети карантинных учреждений в Бессарабии там к началу 1860-х гг. сложилась и действовала следующая их структура. Пограничное карантинное управление в Бессарабии, также как и таможенное, разделялось на 2 округа: Скулянский и Измаильский. Скулянский карантинный округ – от м. Новоселицы Хотинского уезда, до селения Бороган, находящегося на недавно проведенной границе в бывшем Кагульском уезде, его протяженность – 527 верст. Измаильский карантинный округ – от с. Бороган на юг и далее по всей границе Бессарабии (по Парижскому договору 1856 г.).

Главное центральное управление Скулянского карантинного округа находилось в м. Скуляны, где также был и центральный карантин. В округ входила карантинная застава в м. Липканы и частный Леовский карантин в с. Карпинены. При округе же находился особый Прутский полубатальон карантинной стражи состоящий к 1862 г. из 5 офицеров и 318 нижних чинов. Чиновников по скулянскому карантину, согласно штату от 20.10.1832 г. – 34. [24, с. 26]. Зданий в округе: по Скулянскому карантину – наружных 10, внутренних 15. В Липканской карантинной заставе – 6 наружных и 8 внутренних. Прутский полубатальон не имел карантинных помещений, а солдаты располагались по квартирам в м. Скулянах где также была построена больница на 8 чел. При Липканской карантинной заставе нижние чины карантинной стражи размещались в казарме.

При Леовском частной карантине (с. Карпинены) казенных зданий не было, кроме того, что на форпосте для содержания караульного поста была устроена простая землянка. Карантинные чиновники как и стража, располагались на

снимаемых квартирах. Под карантинное расположение доставляемых пограничной стражей «переходящих из Молдавии, бродяг, выходцев из Молдаван и контрабанды, с контрабандистами и без оных» были заняты обычные съемные 3 дома. Для карантинных служб: канцелярии карантина, карантинных дежурных, осмотра и приема пассажиров и карантинной караульни снимали 4 дома [24, с. 27].

Главное управление Измаильского карантинного округа в этот период находилось в колонии Бубее, куда был переведен и центральный карантин из г. Измаила. До изменения штатов округ состоял из: 1) Измаильский центральный карантин в Кубее; 2) Ренинский частный карантин в м. Татар-Бунар; 3) Скулянский в колонии Комрат и 4) Аккерманскую карантинную заставу в г. Аккерман. При карантинном округе находился Измаильский полубатальон карантинной стражи. Все карантинные подчинялись непосредственно Бессарабскому военному губернатору [24, с. 28].

Как видно из представленного материала, с продвижением границ России на Юг, в Бессарабии была создана весьма разветвленная система карантинных учреждений. Частые вспышки эпидемий на зависимых от Турции землях, особенно по сухопутным границам (в том числе на Кавказе) вынуждали российское правительство создавать сети равноуровневых учреждений для обеспечения безопасности внутренних регионов. При этом карантинные и карантинные заставы Бессарабии были важнейшим звеном в данной цепи, обслуживая к тому же весьма важный торговый регион.

В последующем, с изменением торговых потоков, значимость карантинных в Бессарабии уменьшилась. В связи с чем 24 января 1884 г. было принято решение «Об упразднении Кубейского карантинного округа», состоявшего к тому времени из Кубейского карантина и Аккерманского агентства (№ 1982). Его служащих, если они не получили нового назначения, оставили за штатом, на общем основании. Расход на производство им заштатного, в течение одного года, жалования, в размере 4020 руб., обратили в счет суммы, в 10520 руб., оставшейся от упразднения Кубейского карантинного округа, а возникший остаток – 6500 руб., причислили к свободным средствам государственного казначейства [25, с. 31].

Таким образом, система карантинных учреждений в Бессарабии просуществовала с 1793 г. до 1884 г., она была составной частью общегосударственной карантинной службы и сыграла существенную роль в обеспечении антиэпидемиологической безопасности внутренних губерний Российской империи со стороны Турции, Румынии и Молдавских княжеств. С изменением государственного устройства данных государств, товаропотоков, общей эпидемиологической ситуации ее существование стали излишним.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы состоят в изучении особенностей становления и развития сети карантинных учреждений в иных регионах Российской империи, с целью выявления как специфических так и общих ее черт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Эрисман. Холера. Эпидемиология и профилактика / Эрисман. – М., 1893. – 150 с.
2. Галанин М. И. Мероприятия против холеры русского и иностранных правительств / М. И. Галанин. – СПб., 1892. – 178 с.
3. Черкасский Б. Л. Эпидемиологические аспекты международной миграции населения / Б. Л. Черкасский, В. П. Сергиев, И. Д. Ладный. – М.: Медицина, 1984. – 285 с.
4. Щепин О. П. Международный карантин / О. П. Щепин, В. В. Ермаков. – М.: Медицина, 1982. – 320 с.
5. Пристанскова Н. И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX в. / Пристанскова Наталия Ивановна // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 9 (20). – С. 95–99.
6. Пристанскова Н. И. Систематизация врачебно-санитарного законодательства в первой половине XIX века / Н. И. Пристанскова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2006. – № 9 (27). – С. 123–139.
7. Змерзлий Б. В. Створення карантинних установ в Криму в кінці XVIII-початку XIX ст.) / Б. В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – № 1. – С. 18–23.
8. Змерзлий Б. В. Частные карантинные в институте карантинной службы Российской империи в XIX в. / Б. В. Змерзлий // Часопис Київського університету права. – 2012. – № 2. – С. 10–14.
9. Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830. – 969 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отделение III и IV. – СПб., 1830. – 1180 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXVII. 1802 – 1803. – СПб., 1830. – 1122 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXIII. 1815 – 1816. – СПб., 1830. – 1173 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 г. Т. XXXV. 1818. – СПб., 1830. – 674 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IV. Отделение первое. 1829. – СПб., 1830. – 968 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отделение первое. 1835. – СПб., 1836. – 912 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XI. Отделение первое. 1836. – СПб., 1837. – 893 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XV. 1840 г. Отделение первое. – СПб., 1841. – 853 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отделение второе. 1839. – СПб., 1840.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVIII. 1843 г. Отделение первое. – СПб., 1844. – 842 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXVI. Отделение второе. 1851. – СПб., 1852. – 752 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXI. Отделение первое. 1846. – СПб., 1847. – 668 с.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIII. Отделение первое. 1858. – СПб., 1860. – 802 с.
24. Материалы для географии и статистики России, сделанные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. составитель А. Защук. – СПб., 1862. – 260 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IV. 1884. – СПб., 1887. – 626 с.